

Покидая на следующее утро обитель господина детектива на Пятнадцатой улице, Сюй Юйлянь осознал, что безнадежно пропустил и утренние гимны, и раннюю молитву.

Он вернулся в монастырь Варлы лишь тогда, когда колокол, возвещающий окончание часа Первого, уже отзвонил. Бай Цзин, обещавший разбудить его пораньше и проводить, своего слова не сдержал. Вместо этого он постучал в дверь, когда время уже вышло, и невозмутимо поинтересовался:

— Я помню, что ты можешь есть человеческую пищу. Обычные сэндвичи входят в твой рацион?

Распорядок жизни в монастыре был строг: завтрак подавали после часа Первого, обед — после Полуденного часа, а ужин — сразу по окончании вечерни. Сейчас же стрелки часов приближались к семи утра, и в небе едва брезжил рассвет. Вернись Юйлянь немедленно, он еще успел бы застать окончание утреннего богослужения и попасть на трапезу.

Впрочем, местная стряпня никогда не вызывала у него восторга. Бросив взгляд на завтрак, уже накрытый на столе за спиной детектива, Сюй Юйлянь решил остаться и выпил несколько глотков теплого молока.

Его монашеская ряса, безнадежно измятая за бурную ночь, после тщательной глажки вновь выглядела безупречно. Попрощавшись с Бай Цзином, юноша поспешил к остальным сестрам, чтобы присоединиться к ним в Певческом зале для чтения псалмов.

К девяти часам распогодилось. Вчерашний дождь так и не пролился на Варлу, и сегодня выдался на редкость солнечный день. Юноша шел по коридору, примыкающему к Певческому залу; яркие лучи, пробиваясь сквозь стрельчатые арки, расчерчивали пол золотыми полосами. Юйлянь, не появлявшийся в монастыре всё утро, старался держаться в тени, неосознанно прижимаясь к стенам.

Его одолевали невеселые думы. Хотя «неполноценные» вампиры и обладали некоторой устойчивостью к свету, она была весьма условной. Солнце по-прежнему угнетало Юйляня, а долгое пребывание под его лучами вызывало невыносимую усталость. Чуть приподняв подол рясы тонкими пальцами, он забился в самый дальний угол строя и с облегчением вздохнул, лишь убедившись, что свет до него не дотягивается.

В монастыре Варлы, расположенном в тихом пригороде, царила атмосфера безмятежности. Жизнь здесь текла размеренно и по строгому уставу: молитвы сменялись учением, а учение — трудом. Сестры проявляли друг к другу трогательную заботу и по пути на послушания болтали о всякой всячине, как обычные прихожанки.

Лишь вокруг Сюй Юйляня всегда витала тишина. Его алебастровая кожа и утонченные черты лица притягивали взоры даже в полумраке залов. Многие монахини украдкой поглядывали на

него.

Как новоприбывшая сестра, Юйлянъ держался со всеми ровно, но отстраненно. Особенно это стало заметно после того, как ему выделили отдельный домик для проживания. И дело было вовсе не в том, что его не хотели принимать или завидовали уединению. Просто Юйлянъ имел привычку исчезать сразу после молитвы, возвращаясь в свое убежище, и появлялся вновь лишь к началу следующего часа или работ. Сестры, искавшие его компании для совместных занятий, раз за разом натыкались на пустую комнату. За те несколько дней, что он провел здесь, юноша едва ли обмолвился с кем-то парой слов.

В вопросах светского общения новый ассистент детектива был столь же нелюдим, как и его наниматель. Он изо всех сил избегал контактов, понимая всю шаткость своего положения. В окружении стольких людей было слишком сложно сохранять рассудок и не выдать свою истинную природу. За всё время пребывания в монастыре Сюй Юйлянъ не запомнил имени ни одной сестры.

Тем не менее, на него продолжали засматриваться. Экзотическая восточная красота новой «сестры» делала его похожим на изысканную фарфоровую куклу, любоваться которой было сущим наслаждением. Но сегодня в нем появилось нечто иное. Губы его стали ярче, а облик в целом... будто обрел новую, опасную прелесть.

Одетый в ту же белоснежную рясу, что и остальные, он казался не скромным служителем, а сошедшим с древних фресок божеством — прекрасным и искушающим, заставляющим вопреки всем заповедям смотреть на него снова и снова.

Певческий зал располагался в восточном крыле собора. Войдя внутрь, каждый занял свое место, и под сводами зазвучали торжественные слова гимнов. Сюй Юйлянъ смотрел на незнакомые изваяния и росписи, опустив ресницы; его губы беззвучно шевелились, а бесстрастное лицо выражало глубокую набожность. Солнечный свет, проходя сквозь цветные витражи, распадался на мириады осколков, превращая его белые одежды в живое полотно, расцвеченное всеми красками небес. В этот миг его одухотворенный лик мог обмануть любого, заставив поверить, что перед ним истинно святая душа.

Лишь Система знала, что на самом деле он бормочет себе под нос.

«Хочу ягодный напиток... или клубничный. Интересно, а виноград от муската сильно отличается? Я еще не пробовал дынный... А если бы нашелся со вкусом маракуйи, было бы совсем замечательно...»

[...]

Будучи вампиром, занесенным волей случая в святую обитель, Юйлянъ, разумеется, не утруждал себя заучиванием псалмов. Встав на свое место и услышав, что остальные уже начали пение, он с ужасом осознал, что в голове у него абсолютная пустота. Чтец произносил слова слишком быстро и невнятно, и Юйлянъ, стоявший в задних рядах, не мог разобрать ни

звука, чтобы хотя бы симитировать чтение.

Но молчать в такой ситуации было нельзя. Сделав самый невозмутимый вид, он принялся перечислять свои желания, надеясь, что никто не заметит подвоха.

«Всё равно меня никто не слышит...» — думал Юйлянь. На его щеках проступил едва заметный румянец, и в этот момент он случайно поднял глаза, натолкнувшись на чей-то ледяной взгляд.

Юноша замер. У входа в зал стоял высокий мужчина в белоснежном одеянии клирика. На его груди в лучах солнца ослепительно сверкал серебряный крест. Похоже, незнакомец наблюдал за ним уже довольно долго.

Сердце Юйляня пропустило удар. Он поспешно склонил голову и с удвоенным усердием вернулся к своему «списку желаний», молясь лишь о том, чтобы этот человек не умел читать по губам.

Вскоре пробили час Первого. Сюй Юйлянь покинул зал вместе с остальными, но когда он вновь оглянулся на двери, загадочного мужчины там уже не было. Зато до него долетели обрывки приглушенных разговоров сестер.

— Настоятель Хэ Вэнь сегодня вернулся из Басвилла?

— Похоже на то. Он только что стоял у входа, но я побоялась поднять на него глаза.

Юйлянь, поравнявшись с ними, осторожно спросил:

— А что настоятель делал в Басвилле?

Сестры, удивленные тем, что нелюдима новенькая сама заговорила с ними, переглянулись. Наконец одна из них, покрасневшая от смущения, охотно пояснила:

— Говорят, там объявилось слишком много нечисти. Настоятель, как духовное лицо, был призван на помощь. Видимо, он уже со всем покончил.

— Сестра Юйлянь, ты ведь недавно у нас и, должно быть, не знаешь... Наш настоятель — знаменитый на всю Варлу истребитель вампиров.

Девушки оживились, и когда они вышли в просторный сад, их голоса зазвучали громче. Неожиданное любопытство Юйляня они восприняли как добрый знак и теперь, направляясь к цветникам, наперебой старались занять место поближе к нему. Сам же юноша, окруженный щебечущими монахинями, лишь рассеянно кивал, а его ресницы мелко подрагивали от волнения.

[Хозяин боится?]

«Вовсе нет, — упрямо отозвался Юйлянь. — Просто его титул звучит как-то... не очень дружелюбно для вампира».

[Система может лишь молиться за Вас. Надеемся, Вам не встретится «истребитель бабочек».]

«...Хм».

Юйлянь взял садовые ножницы и принялся умело подрезать ветви.

«Как думаешь, почему он так смотрел на меня? — пожаловался он Системе. — Неужели понял, что я несу какую-то чушь вместо молитв?»

[Вы стояли слишком далеко,] — попыталась утешить его Система.

Маленькая бабочка с довольным видом срезала сухой сучок.

[Вряд ли он догадался, что сегодня Хозяин больше всего на свете жаждет виноградного сока.]

Юйлянь от неожиданности едва не отхватил живой лист, и его тонкие брови сошлись на переносице.

Заметив его нарастающее недовольство, Система поспешила сменить тему: [Хозяину очень идет эта работа. Ваша клумба выглядит куда гармоничнее, чем у остальных.]

Такой незатейливой лести было вполне достаточно, чтобы отвлечь Юйляня. Он даже не стал спорить. Поправив широкую шляпу, которую ему кто-то вручил, юноша скрыл лицо в тени и тихо пробормотал, склоняясь над цветами:

— Ну еще бы. Я ведь Маленькая бабочка.

В монастыре Варлы трудилось множество мирян: почти две сотни слуг, конюхи, пастухи... На их плечах лежала вся тяжелая работа. Сестры же посвящали себя учению, переписке книг и наукам.

Конечно, забота о собственных цветниках и огородах также входила в их обязанности. Жизнь здесь была лишена суровых догм и мелочных правил; она была наполнена тихой радостью созидания, помощью ближним и искренним теплом человеческого общения. Всё вокруг казалось частью светлой сказки.

После Полуденного часа настало время обеда. В этот раз в Певческом зале Юйлянь больше не видел настоятеля Хэ Вэня. Однако когда он проходил мимо собора, возвращаясь к группе, его взгляд упал на узкое окно у задних дверей. Там, в лучах полуденного солнца, у большого алтаря стоял Хэ Вэнь. Он неторопливо листал тяжелый фолиант.

Словно почувствовав чужой взгляд, настоятель поднял голову и посмотрел прямо туда, где стоял Сюй Юйлянь. Это был уже второй раз за день, когда этот человек заставлял сердце юноши замирать от страха.

Придерживая подол рясы, Юйлянь бросился догонять остальных и не останавливался, пока не оказался в стенах трапезной. Лишь там его тревога немного утихла. Юноша стоял в очереди за едой, погруженный в свои мысли.

Столы в зале были составлены в два длинных ряда, а дежурный чтец уже начал дневное чтение писания. Юйлянь выбрал место у самого выхода. За всё время обеда он лишь пригубил немного жидкой каши, не прикоснувшись к остальному. И дело было не в капризах: попробовав вчера настоящую кровь, он окончательно потерял интерес к человеческой еде. К тому же он до сих пор чувствовал себя сытым.

Глядя на то, как пустеют тарелки соседок, Юйлянь окинул взглядом свою нетронутую порцию и, выбрав момент, когда на него никто не смотрел, незаметно выскользнул из трапезной. Он решил избавиться от еды, скормив её бродячим псам неподалеку. Но не успел он замести следы, как за его спиной раздались размеренные шаги, и спокойный голос заставил его вздрогнуть.

— Обед пришелся не по вкусу?

Юйлянь застыл, а затем медленно обернулся, стараясь спрятать поднос за спиной.

— Н-нет, что вы...

Суровый мужчина в белых одеждах стоял совсем рядом. Его взгляд задержался на покрасневших веках юноши. Помолчав мгновение, он произнес:

— Уже в третий раз.

— Тебя и вправду поразительно легко испугать.

<http://bllate.org/book/16122/1588137>